

Введение

В нашем современном российском обществе до сих пор сохраняется широчайший спектр суждений, часто весьма противоречащих друг другу по поводу многообразных социально-экономических проблем, так или иначе связанных с большевизмом и октябрьским переворотом 1917 года или непосредственно порождённых ими. Сказанное относится и к различиям в оценках тех или иных событий и фактов из нашей послеоктябрьской истории, социально-экономической политики СССР и России.

Изданная в последнее время научная литература и публицистика, симпозиумы и «круглые столы», теле-и радиопередачи, наконец, просто встречи и беседы с представителями многообразных слоёв общества разных возрастов и профессий воочию показали, что дифференциация мнений российской элиты и населения в целом по названным вопросам сегодня не только не уменьшилась, но даже усилилась. При этом бросается в глаза, что если одни, в основном негативно оценивая прошлое, считают его уже преодолённым и не имеющим перспектив вновь стать реальностью, то другие стремятся не только изобразить его в розовом свете, но и в той или иной степени возродить. Значительно меньше людей задумываются над тем, что наше прошлое настолько укоренено в нас, что существует повсеместно и сегодня, и многие тяготы трансформационного периода проистекают именно из этого.

Но понять это трудно, ибо экономические реформы в России, проводившиеся в 1992-1998 гг., закончились неудачей. Народ стал жить хуже, производство сократилось. Но когда серьёзные реформы в России проводились последовательно и до конца? Может быть, лишь только в советские времена, когда была уничтожена рыночная модель в нашей экономике и на ее месте построена модель нерыночная, командно-административная. Но это и привело нашу страну в тупик.

Долгое время мы считали, что социализм (первая фаза коммунистической формации), который на деле в нашей стране осуществили большевики, это не только самый прогрессивный, но и весьма прочный общественный строй, своего рода монолит, способный успешно решать многие стратегические задачи развития производства, его эффективности, потребления и жизненного уровня людей. В других социалистических странах, возникших после второй мировой войны, также питали иллюзии в отношении сущности и перспектив развития этого строя.

Экономическая основа социализма – государственная собственность вместе с централизованным управлением и планированием всей экономики, подкреплённая невероятной мощью партийного аппарата, а также КГБ и армией, казалось, образовала такую крепость и мощь, что попросту в мире нельзя было сыскать сил, чтобы ее поколебать. Но в 1989-1991 гг. социализм рухнул почти везде, как картонный домик. Силы разрушения, как оказалось, нашлись, более того, они уже давно зрели внутри общества и экономики “реального социализма”. В годы “военного коммунизма”, индустриализации, коллективизации и войны, т.е. в периоды чрезвычайщины и мобилизации, эти силы не могли проявить себя, и лишь в послевоенные годы мирного развития наружу вышли все внутренние противоречия, вся гнилость и нежизнеспособность “нового строя”. Однако они не были глубоко осмыслены и проанализированы на научной основе в нашей стране.

Более того. После падения “реального социализма” прошло уже немало времени, а серьёзных и капитальных исследований экономики нашего недавнего прошлого в России как не было, так и нет. Есть, правда, призывы разработать новую парадигму экономических знаний. Но как это сделать, не разобравшись и не отказавшись от старой парадигмы и ценностей “реального социализма”? Значит, велика еще инерция прошлого. И чем скорее мы с этим разберемся, тем легче нам будет идти вперед. Переход к новой парадигме невозможен также и без отказа от старых ошибочных теоретических конструкций и большевистской практики, от вредных традиций российского социального реформаторства.

К сожалению, современная российская экономическая наука не сбросила окончательно груз прошлого и часто недооценивает тот вред, который порой наносила советская экономическая наука нашему обществу. Напомню, что в бывшем СССР общественные науки в целом – и экономическая наука в частности, особенно политэкономия социализма, – официально считались партийными науками. На деле это означало, что партия ждала от

обществоведов не оригинальных исследований и неожиданных выводов, а прежде всего поддержки и пропаганды своих решений и своей политики. Многие партийные решения, в частности и те, которые принесли много горя стране, готовились при непосредственном участии советских обществоведов. Тем не менее социалистические заблуждения советской экономической науки не канули в прошлое. Многие российские экономисты и сегодня открыто призывают хотя бы к частичному возврату в прошлое.

Вообще призыв к частичному возврату прошлого в условиях, когда рынок ещё незрел, не сформирован, а экономика лежит на дне кризиса, вполне понятен. Непонятно другое: почему советская экономическая наука не поняла самой сути советской принудительно-плановой, нерыночной, а потому и бесперспективной экономики; почему она и сегодня (а она продолжает жить и сегодня) не хочет понять суть экономики рыночной и найти рациональные пути движения к ней.